

18+

Лариса Тартман

Пасьянс

современный роман

Лариса Гартман

Пасьянс. Современный роман

«Издательские решения»

Гартман Л.

Пасьянс. Современный роман / Л. Гартман — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834288-2

Запутанная и непростая, но, как и положено настоящему пасьянсу, влекущая своей непредсказуемостью история молодой девушки Риты никого не оставит равнодушным. Любовь и разочарование, предательство и неожиданные взлёты — судьба приготовила для неё немало сюрпризов. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-834288-2

© Гартман Л.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Пасьянс
Современный роман
Лариса Гартман

© Лариса Гартман, 2016

ISBN 978-5-4483-4288-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Каблуки непривычно громко стучат по асфальту, особенно правый. На левом набойка стерлась, и звук издаёт глухой, шаркающий.

Рите кажется, что она идёт не по просторной городской улице, а по тесному школьному коридору. Девчонки, кучкой сбившиеся у подоконника, косятся на её стоптанный каблук, перешептываются и взрываются беззастенчивым хохотом. В ответ на этот наглый смех походка становится суетливой, голова невольно вжимается в плечи, слезинки скапливаются в уголках глаз, и довершает дело румянец, предательскими пятнами покрывающий щёки и шею...

– Ух-х... – терпеть напряжение в теле стало неважно. Девушка перевела дух и с опаской оглянулась вокруг.

По вечернему проспекту сплошным пёстрым потоком неслись автомобили, людские ручейки сливались в шумные реки у входов в «Супермаркеты», стекали в подземные переходы, пропадали в разинутых ртах автобусов и трамваев. Изнурённо грело поблекшее осеннее небо, и ветер, впитавший в себя прогорклый запах города, уже набрасывался злобными порывами на поёживающихся прохожих.

Конец рабочего дня – заботы служебные сменились на дела личные, и никто не обращал внимания на худенькую одинокую девчушку со стоптанным каблуком.

Всё, почти успокоилась. Приступ застенчивости сменился чувством досады на саму себя. Но чтобы окончательно собраться с мыслями, ей нужно где-то присесть, уединиться, сбежать от раздражающей многотысячной толпы.

Рита нырнула в ближайший проход между девятиэтажками и увидела возле миниатюрной клумбы в глубине двора спасительную скамейку.

Казалось, что цветов ещё не коснулось прохладное дыхание октября. Старательные руки старушек, истосковавшихся по земле среди бетона и пластика, сотворили настоящее чудо, тем более неожиданное здесь, в пяти минутах ходьбы от оживлённой магистрали. Стройные, горделивые астры, играя всеми цветами радуги, вытянули к небу свои пушистые головки, а вокруг них, как маленькие солнышки, наперекор надвигающимся холодам пламени розочки эшшольции.

Девушка присела на узкую скамейку, выкрашенную в ядовито-зелёный цвет, протянула руку к цветам, ощутила на пальцах прохладу ещё не увядших лепестков и окунулась в воспоминания...

...В её родной деревушке, где и дворов-то не больше ста, излюбленным местом Риты был просторный палисадник перед домом. Уж как она лелеяла каждый новый росточек, как старательно высаживала рассаду цветов, поливала, полола! Там она забывала об обидных прозвищах, на которые не скупилась одноклассники, там прощала отца, каждый день напивающегося в стельку, именно там мечтала о прекрасном времени, когда станет красивой, успешной и богатой.

В эту покосившуюся от старости избу Риту привезли из роддома, эта калитка одиннадцать лет выпускала её по утрам в школу, отсюда провожали её в первую дальнюю дорогу – поступать в институт. Учиться Рита не то что бы любила, просто всё давалось как-то легко, получалось само собой. И никто не сомневался в том, что девушка поступит в политехнический с первой попытки. Стать инженером она никогда не мечтала, и вообще смутно представляла себе, что это за профессия, но так хотела мать, а отказать ей Рита не смогла. К тому же самой ей было абсолютно всё равно, где учиться, лишь бы вырваться, наконец, из беспроектной глухомани.

Собирала в дорогу самое лучшее из того, что было. Не один раз пускала слезу, глядя в зеркало и понимая, как уродует её стройную фигуру то тряпье, что в семье звалось «сой-

дёт». Единственную дорогую вещь – сотовый телефон, подаренный вскладчину всей роднёй на восемнадцатилетие – Рита берегла, как бесценное сокровище.

Тихая, как божья коровка, всю жизнь чего-то боявшаяся мать втайне от отца вручила дочери скромные свои сбережения, хотела перекрестить на дорожку, но опустила руку, засмутившись проходивших соседей...

– Ого, такая красавица и без охраны, – радостный возглас заставил Риту вынырнуть из воспоминаний.

Молодой мужчина с полупустой бутылкой пива в руке плюхнулся на скамейку рядом с девушкой. Не успела она ничего понять, как мужчина цепко схватил её за запястье, притянул к себе и громко зашептал в ухо, обдавая омерзительным пивным запахом:

– Пойдём ко мне, а? Ну, пойдём, не пожалеешь!

В панике Рита беспомощно оглянулась – двор был пуст. Собралась с духом, резко выдержала руку, ойкнула от боли, и, не оглядываясь, побежала прочь.

Вдогонку ей раздался громкий хохот пьяного, довольного произведённым эффектом.

Выйдя обратно на проспект, Рита направилась в сторону автобусной остановки. От непристойного предложения щёки опять пылали, но слово «красавица» приятным теплом легло на сердце. И не важно, что оно прозвучало из уст нетрезвого наглеца – никто никогда так её не называл. Даже не осознавая этого, девушка принялась разглядывать себя в витринах магазинов. Тонированное стекло отражало только силуэт, скрывая стоптанный каблук, поношенную юбку и немодную кофточку. Стройные девчоночьи ноги, грациозная походка, прямая спина, длинная шея – Рита осталась удовлетворена своим отражением и даже чуть выше приподняла подбородок.

В таком отменном настроении приехала в общежитие. Письменные задания на завтра уже сделаны, осталось только прочитать книги, взятые в библиотеке.

На вахте Риту ждало письмо из дома.

Её не насторожило то, что мать взялась за ручку вместо того, чтобы просто позвонить – пожилые люди долго привыкают к техническим новинкам, да и телефона у мамы не было, приходилось каждый раз тревожить соседей и обмениваться новостями в присутствии трёх пар любопытных ушей.

Поднялась в свою комнату, неторопливо выложила из сумки книги, помыла руки и только тогда достала из конверта сложенный вчетверо листок, исчерченный неуверенными мамиными каракулями.

«Милая доченька!

Как здоровье твоё? Как учёба?

На днях мы похоронили Володю, твоего отца. Я не стала сообщать тебе, пропустишь учёбу – учителя станут плохо относиться. Да и денег много надо на дорогу. Ты уж прости меня...».

Письмо упало на пол. Рита уткнулась лицом в ладони и замерла в немом крике. Слёз не было.

Как она смеет?! Как они смеют всё всегда решать за неё?! Где учиться, что носить, хоронить или нет родного отца! Кто давал право распоряжаться её судьбой?! Почему мама, единственная милая мама, считает её безмолвной, бесчувственной вещью?! А отец? Как мог он уходить, не подарив ей за всю жизнь ни капли своей любви, ни крохи своего тепла?! Не нужна. Никому не нужна... Себе не нужна, другим не нужна... Никому...

В таком состоянии и застала её Ольга – соседка по комнате. Влетела, как ароматное облачко. Воздушная, светловолосая, разодетая в пух и прах. Мурлыча что-то под нос, разбросала по спинкам кровати вещи, скинула туфельки, с наслаждением упала на розовое покрывало

и только тут взглянула на Риту. Не заметить скорбного выражения лица со сжатыми до синевы губами было невозможно.

– Э, подруга, чего такая кислая? – девушка оторвала голову от подушки и подпёрла её рукой.

Подругами они не были и за месяц учёбы общались исключительно в силу необходимости совместного проживания. Оля училась на платном, могла позволить себе многие вещи, недоступные Рите в самых смелых мечтах. Даже удивительно было, что такая обеспеченная девица попала в общежитие! Рита стеснялась Ольгу – ей было неловко за свою одежду, обувь, причёску без парикмахерских изысков.

Но слова жгли внутри, слова обиды, возмущения, негодования...

И Рита, как на исповеди у священника, обращаясь скорее не к Ольге, а к высшей справедливости, выложила всё, что было на душе.

Улыбка сползла с Олиного лица, на глазах выступили слёзы, она вся как-то сжалась от незнакомого сердцу прикосновения к чужому горю. Из глубины её подсознания всплыли слова утешения, поразительным образом не стёртые сытой жизнью. Она пересела на кровать к Рите, приобняла за плечи, начала говорить что-то почти бессвязное и пустое, но тон её голоса приводил в чувство, успокаивал.

С того дня они на самом деле стали подругами.

Глава 2

Осенняя погода, как обычно, жила по своим особым законам. Или, вернее, не подчинялась никаким законам. Какой-то небесный кудесник решил перед долгой зимой подарить людям ещё парочку погожих дней. А самым восхитительным было то, что случились они на выходные.

Ольга с утра принимала на балконе «солнечную ванну». Закатав штанины спортивных брюк и завернув «под ноль» рукава футболки, развалилась в плетёном кресле (и где она его только достала?!). Временами рассеянно бросала отрешённый взгляд в книгу, которая примостилась в её руках лишь для успокоения совести. Большим старанием в учёбе студентка Смирнова никогда не отличалась.

Рита же собиралась в гости к тётке Нине, и уже надо было поторапливаться.

С вахтёршей тёткой Ниной (Ниной Константиновной, как галантно величал её заведующий общежитием) сдружились они сразу. Пожилая женщина, проработавшая на одном месте почти всю свою жизнь, видела насквозь каждого студента. Сама себя она гордо называла «стражем со стажем» и могла безошибочно предсказать, кто из беспокойных жильцов поступит через несколько лет в аспирантуру, а кто с треском «вылетит» из института через месяц. В Рите с первого дня знакомства разглядела она деревенскую девчонку, не избалованную ни сладкой жизнью, ни вниманием мужчин. Ей нравились такие «редкие экземпляры», которые ещё не привыкли жить с камнем за пазухой. Свою симпатию она выражала по матерински просто – пытаясь хоть как-то облегчить несладкую студенческую жизнь девушки. А поводы для этого находились.

Несмотря на двадцать первый век и на то, что город стремительно рос, зданию общежития никак не везло со спонсорами – почему-то не находилось желающих вложить деньги в ремонт постройки шестидесятих годов. Жилые комнаты поддерживались в сносном состоянии силами самих студентов, а вот душевые... Описание этого «подземелья», а именно такое название с незапамятных времён прилипло к душевым, было бы уместным поместить в каком-нибудь душераздирающем триллере.

В подвале, за неопределённого цвета скрипучей дверью, начинался длинный узкий коридор, который из недостижимого далека безнадежно пыталась осветить сиротливая лампочка; под ногами шуршал невидимый мусор, и, чтобы не упасть, приходилось иногда упираться ладонью в омерзительно сырую стену. Но и после того, как жильцы, матерясь и проклиная проектировщиков, добредали до спасительной лампочки, их мучения не заканчивались. Коридор резко сворачивал вправо, и до двери душевой необходимо было пройти метров десять в крошечной тьме, ориентируясь (руками!) только на заплесневелые стены. Когда девчонки, а в душ, естественно, ходили чаще они, достигали заветной цели, их встречал ржавый кафель на полу и стенах, тонкие струйки тёплой воды из-под потолка и ничем не выводимый запах хлорки от догнивающих лавочек. Но иногда и это удовольствие становилось недоступным, потому что в душе внезапно гас свет и приходилось пускаться в обратный путь не солоно хлебавши.

Зная о таких студенческих мытарствах, к тому же пребывая в благодушном настроении от ослепительного бабьего лета, тётка Нина позвала Риту к себе в гости – искупаться в ванной.

Отбросив в сторону стеснительность, девушка согласилась. И теперь проворно складывала в пакет чистое бельё, полотенце и прочие банные мелочи – смена тётки Нины закончилась полчаса назад.

Но когда Рита вприпрыжку сбежала по лестнице, она увидела вахтёршу преспокойно сидящей на своём рабочем месте.

– А что, – девушка слегка смутилась, – мы не едем?

– Ты едешь, а мне придётся задержаться до обеда – сменщица попросила подежурить, гости к ней, что ли, нагрянули.

– Нет, мне неудобно, как-нибудь в другой раз, – Рита и мысли не допускала о том, что можно войти одной в квартиру постороннего человека.

Но Нина Константиновна привыкла все проблемы в этой жизни решать сама, она уже всё обдумала, решила и постановила. Её тон не терпел возражений:

– Никаких «неудобно»! Вот ключи, садись на «пятёрку», сойдёшь на Западной, прямо напротив остановки пятиэтажка с зелёными балконами, второй подъезд, девятнадцатая квартира. Ванную найдёшь, кран открывать умеешь! Соль и пена на полочке. Купайся, отдыхай, жди меня, – поток слов прервать было невозможно, и Рита покорно взяла протянутую ей связку ключей.

Минут через сорок она с безотчётным страхом в душе открывала дверь чужой квартиры. Несмотря на абсолютно чистую совесть, Рита опасалась, что любой проходящий мимо сосед может обвинить её во взломе. Ключи как будто чувствовали неуверенность девушки и никак не хотели поворачиваться в замке. Наконец Рита рассердилась на саму себя – на пару секунд замерла, глубоко вздохнула, совершенно успокоилась, и замок сразу поддался.

Квартиру тёти Нины роскошной назвать было нельзя (да и откуда взяться богатству у вахтёра общежития?), но все вещи здесь каким-то удивительным образом нашли свои родные места – ничего ни убавить, ни прибавить было уже невозможно. Простая крепкая мебель (годов семидесятых, как мысленно прикинула Рита), недорогие ковры на стенах и на жёлтом крашеном полу, ненавязчивый рисунок обоев – от всего этого веяло спокойствием, уютом и постоянством. Пахло чем-то неопределённым, но приятным – в этом доме никогда не водилось ни детей, ни кошек.

Набрав в ванную воды, насыпав ароматной соли и плеснув «Морской пены», девушка погрузилась в неземное блаженство. Если для кого-то купание в ванной стало обычным повседневным делом, то для неё это была подлинная экзотика. Тело наслаждалось своей невесомостью, мечталось легко и безмятежно.

...Вот она, тёплая и ароматная, выходит из ванной. В розовой спальне её ждёт терпкий кофе на низеньком столике... Босые ноги утопают в мягком ковре, тело нежится в пушистом махровом халатике. Бесшумно открывается дверь гостиной, и входит Он – родной, любимый, единственный...

Как ни старалась Рита «разглядеть» лицо любимого, оно оставалось мутным расплывчатым пятном. Фантазия не смогла нарисовать ничего лучшего, чем фигуры киношных супергероев, перекочёвывающих из боевика в боевик, как переходящее красное знамя.

Но любому удовольствию приходит конец, и она с сожалением покинула ванную. Вернулась в ситцевый зелёный халат (как жаль, что он не похож на тот, из несбыточных грёз!), обернула полотенце тюрбаном вокруг головы и вышла на застеклённый балкон.

Весь балкон, все его закутки, куда только могло проникнуть солнце, занимали цветы. Конечно же, педантичная аккуратность тёти Нины распространилась и на этот клочок «дополнительной площади»! В поблёскивающих глазурью керамических горшках, ухоженные и сытые, растения и не догадывались ещё, что близится долгая холодная зима.

Рита долго с упоением разглядывала цветы, любовалась необычными соцветиями, с улыбкой шептала им какие-то тайные слова и совсем забыла о времени. Лишь на мгновение её отвлек шорох на соседнем балконе, девушка замерла, прислушалась... нет, за перегородкой всё было тихо, и она с самозабвением продолжила своё первобытное колдовское общение с растениями.

Очарование было разрушено пронзительным визжанием звонка – оглушительно затревил домашний телефон тёти Нины. Отвечать не было никакого смысла – хозяйка должна вернуться с минуты на минуту. Но телефон звонил и звонил, не переставая, не давая сосре-

доточиться ни на одной мысли. Рита вновь, как утром перед закрытой дверью, почувствовала себя непрошеным гостем в чужой квартире. А телефон всё надрывался, изматывая нервы и нагоняя тревогу.

«Всё, возьму телефон и отвечу, что хозяйки нет дома», – приняла, наконец, решение девушка и, набравшись смелости, сняла с рычага белую лакированную трубку.

– Ты похожа на бутон чайной розы...

Бархатный мужской голос ввёл Риту в оцепенение, и вместо заранее заготовленной фразы она прошептала:

– Здравствуйте...

Медленно положила трубку на рычаг и опустилась в глубокое кресло.

Обдумать произошедшее Рита не успела. Нина Константиновна, энергичная и разговорчивая, как будто и не было полутора суток работы, с улыбкой вбежала в свою квартиру. Сразу стала хлопотать на кухне, угощать Риту всякими вкусностями, завалила её расспросами о деревенской жизни и, что она совсем не скрывала, получала огромное удовольствие от исполнения роли радушной хозяйки, к которой не очень часто наведываются гости.

О странном телефонном звонке Рита ей так и не сказала. Слишком нелепым выглядело предположение, что сказанные мужчиной слова могли предназначаться тёте Нине.

Но бархатный голос нежным шелестом звучал в душе всю обратную дорогу в общежитие и не давал уснуть до середины ночи...

Глава 3

Пришёл ноябрь, а вслед за ним притащилась вся его скорбная компания: вездесущий морозный ветер, отвратительно серые дни и новые проблемы.

Первый снег, такой невинно-белый и завораживающий в небе, превращался под ногами пешеходов в грязную буро-коричневую кашу. С лиц людей исчезли сияющие улыбки, словно весь город, сговорившись, сдал их до лучших времён на хранение. Даже детские голоса притихли в утренних трамваях, точно укутанные в шарфы малыши заразились от взрослых унылой осенней депрессией.

Две остановки от общежития до института, естественно с целью экономии, Рита каждый день проходила пешком. Но пятнадцатиминутная прогулка, которая раньше совсем не напрягала, с изменением погоды стала доставлять страшные неудобства. «Не бывает плохой погоды – бывает плохая одежда» – с горькой усмешкой думала Рита, отмывая в ближайшей луже от уличной грязи старые расхлябанные сапоги. Внутри противно чавкала вода, и все четыре «пары» предстояло просидеть с мокрыми ногами.

На последней лекции вместо решения задачи она задумчиво вывела в тетради: «Что же делать, как же жить». Эти слова нудным рефреном звучали в подсознании уже несколько дней. Поставила жирный вопросительный знак и погрузилась в невесёлые мысли. Голос преподавателя размеренным монотонным шуршанием раздавался откуда-то издалека, и думать не мешал.

Из размышлений Риту вывел лёгкий толчок локтём в бок – Ольга захотела списать задачу, но обнаружила полное её отсутствие и возмущённо зашептала:

– Ты чё расслабилась?

Рита молчком продолжила запись в тетради: «Деньги нужны!!!».

Оля ухмыльнулась и снова зашелестела в самое ухо:

– Кому не нужны-то? Ты давай пиши! Меня Саньч сейчас вызовет, а я – ноль! Потом обмозгуем, не грузись!

Занятия закончились и подруги вышли в институтский дворик, засыпанный пожухлой осенней листвой, которую не успевали выметать уставшие дворники. Ольгу окликнул длинный старшекурсник, и она попросила:

– Подожди чуть-чуть, Ритуля, я быстро!

Не дожидаясь ответа, исчезла с парнем за углом здания, и Рита осталась в одиночестве.

Пропитанный сыростью воздух заползал в рукава болоньевой куртки, промокшие ноги без движения быстро замерзли, но ходить туда сюда, чтобы согреться, было неловко – ещё не все студенты разошлись по домам. Небольшая группка «домашних» девушек стояла неподалёку, то и дело с их стороны раздавался беззаботный смех, голоса оживлённо перебивали друг друга.

«Хорошо им с сухими ногами, не холодно... Насплетничают сейчас и по домам...». Рита не завидовала, но ей было обидно, обидно до слёз за своё безотрадное существование. Никто в этом не виноват, ни замученная бедностью мать, ни допившийся до смерти отец. Не винила она никого, но легче от этого не становилось. Помощи ждать неоткуда, и во что бы то ни стало нужно научиться самой решать свои проблемы.

Наконец-то вернулась Ольга. Одна. Глаза её лихорадочно блестели, голос звенел как-то особенно восторженно:

– Хоро-ошая моя, заждалась? Кто вперёд до остановки?! Побежали!

Она с визгом сорвалась с места и побежала, ловко, несмотря на каблучки, перепрыгивая лужи.

Рита, еле поспевая, без энтузиазма семенила следом. «Что с Олей? Выпила? Или... Нет, не может быть... Только не она...». Не притормаживая, запрыгнули в распахнутые двери трамвая и только здесь перевели дух. Не давая Рите опомниться и задать какие-либо вопросы, Ольга затараторила:

– Деньги-деньги-денежки, где же вас, родненькие, достать? Мне тоже нужны. Много. Родители столько не дадут... Тебе зачем? А-а, вообще-то, какая разница! На работу, надо на работу... Где заработать?

Она говорила сама с собой, не ожидая от подруги никакой реакции на свои слова и, не мигая, смотрела при этом в запотевшее вагонное стекло.

Рита обеспокоено заглядывала Ольге в лицо – такой она видела её впервые. Но спросить о причине внезапного возбуждённого состояния так и не осмелилась. Только сухо заметила:

– Ладно, придумаем что-нибудь... Не сейчас.

Вечером отправились «на консультацию» в комнату напротив к девчонкам старшекурсницам. Те доходчиво растолковали, что быстро заработать можно лишь двумя способами – на панели или на хлебозаводе.

Выбрали хлебозавод.

И вот Рита с Ольгой, покидав в пакеты тапочки и косынки, отправились на первые свои студенческие заработки. Долго добирались на окраину города (чтобы найти нужную улицу пришлось даже расспрашивать прохожих), но, в конце концов, к началу ночной смены попали на заводскую проходную.

Вспомнив наставления старшекурсниц, Оля произнесла фразу, прозвучавшую как пароль:

– Рабочие на смену нужны?

– Быстренько, направо по коридору, переодевайтесь, через десять минут у меня в цехе, – шустрая бригадирша лишних слов не говорила, девчонок не рассматривала, никаких документов не спрашивала, и по всему было видно, что для неё это дело привычное.

Наступая друг другу на пятки, с непривычки ступавшие в незнакомой обстановке, поспешили по неосвещённому коридору. Хорошо, что хоть раздевалку искать не пришлось – из ближней двери вывалились две толстые тётки в коротких белых штанах, белых бесформенных рубахах и цветастых деревенских платочках, которые делали их похожими на доярок. Не сговариваясь, подруги рванули к открывшейся двери.

Слева на стене в ряд висела спецодежда, ничем не отличавшаяся от нарядов сестёр-колхозниц. Спрашивать было не у кого, рассуждать долго – некогда, поэтому, не теряя время на разговоры, девушки начали суетливо переодеваться. Ольга справилась с просторными штанинами быстрее.

– Ну, теперь хоть на конкурс красоты! Или в психушку! – от созерцания своего дурацкого вида её разобрал смех. – Булочки, держитесь, мы идём!

Рите передалось настроение Ольги, и она тоже рассмеялась:

– Наедемся-я, сами как булочки к утру станем – рубахи-то не зря с запасом сшиты!

Впрочем, веселиться долго не пришлось – уже знакомая им бригадирша стремительно (а ходила она так же быстро, как и говорила) влетела в раздевалку.

– Готовы? Пошли! После смены на проходной фамилии записать! Зарплата каждую пятницу. С паспортом, – слова вылетали из неё, как снаряды из пулемёта.

– А что мы должны делать? – Рита еле успела вставить вопрос между очередями.

– Там покажу.

Понимая, что расспрашивать бессмысленно, резво, как телята, которых пастух гонит на бойню, зашагали за бригадиршей в булочный цех.

– Ты, к печке, – она ткнула пальцем Рите в грудь, – ты, к тележкам, – такой же тычок достался подруге.

Больше до утра они не виделись – Оля со своей тележкой затерялась где-то в недрах цеха, и, если бы Рита даже захотела, то не смогла бы разглядеть её среди мелькающих вдалеке одинаковых белых фигур. Но с первой же минуты работы ей стало не до выяснения подробностей процесса изготовления булочек.

Если бы в ту ночь девушке предложили поменяться местами с рабами на галерах, она согласилась бы без промедления!

Её рабочее место представляло собой тесный коридорчик между печкой и расстойкой. Вдоль печи, вздрагивая, плыла чёрная лента транспортёра. Работа была предельно проста – вынуть из печи листы с готовыми «плюшками», вытряхнуть булочки на транспортёр, пустые листы – стопкой в тележку, сдобу из расстойки – в печь. Но за кажущейся простотой таился коварный подвох. Весь ужас был в том, что конвейер ни на секунду не останавливался! Листы с румяными булочками норовили уплыть на второй круг и сгореть дочерна, а те, что не сгорели, старались спрыгнуть вниз с гладкой ленты на скользкий от маргарина пол; сквозь редкую ткань верхонок раскалённое железо листов безбожно обжигало руки, и довершал картину ада невыносимый жар, вырывающийся из печи.

Часам к двум ночи Рита превратилась в робота – тупую бездумную машину с обожжёнными руками и пересохшим горлом. Дожить до утра представлялось ей чем-то из области фантастики.

Поразительно, но буквально в трёх метрах от Риты одна из постоянных работниц успевала читать книгу! Карусель в её печи двигалась медленнее, видимо, потому, что в ней пеклись крупные батоны, рядом стояла предусмотрительно подготовленная бутылка с водой, да и ставить, как положено, по три листа одновременно она не считала нужным. Но Рита не привыкла работать спустя рукава и о том, что можно гонять полупустую печь даже не задумывалась.

Когда пришла утренняя смена, на ватных ногах, до конца не веря в своё счастливое избавление, она отправилась в раздевалку. Бригадирша, обнажив в улыбке крупные зубы, крикнула вслед:

– Приходи ещё, возьму!

Рита хотела ответить: «Ни за что! Никогда!», но сил не осталось даже на разговоры. Она только вяло кивнула в ответ.

В раздевалке на кушетке спала Ольга. Светлые волосы разметались по рваному дерматину, пухлые, совсем детские губки сложились во сне в довольный бантик.

– Оля! Олечка, вставай! – Рита потрясла подругу за плечо. – Ты... Ты давно здесь?

Ольга нехотя села, взглянула на Риту мутными спросонья глазами и грубо выругалась:

– Да... я такие заработки! Я им чё, лошадь?!

Разговаривать с ней сейчас было бесполезно, и Рита молчком потянула Олю в душ. Вода смыла пот и грязь, но смертельная усталость осталась. Единственным желанием было добраться до постели.

Ольга же после водных процедур пошла в туалет, возилась там долго, пока кто-то из работников в нетерпении не постучал, вышла довольная и счастливая со сверкающими глазами и заразительным хохотом. Но размышлять о причине таких резких перемен в её настроении было некому. Как зомби, с красными воспалёнными глазами, в полудремотном состоянии доехала Рита до общежития, упала на спасительную кровать и моментально провалилась в сон.

Проснулась она от телефонного звонка. Нет, это не её мобильник. Шевелиться и открывать глаза не хотелось. Расхотелось ещё больше после того, как невольно подслушала Ольгин разговор.

– Да, я... Одна, почти... Дома. Спит как сурок... Помню, на работу в девять, у «России». ... Нет, подругу не возьму... Сказала, не возьму. Почему-почему... Дура набитая, вот почему! ... Не забуду. Пока...

То, что это о ней, сомнений быть не могло. «Почему работа у гостиницы? Неужели Ольга... „Дура“... Вот тебе и подруги... Как теперь общаться? Обидеться? Будет понятно, что подслушивала. Придётся притворяться. Не хочется, но надо».

Рита уже довольно долго лежала неподвижно, и тело затекло. Пора вставать. Потянувшись и зевнув, как будто только что проснулась, повернулась на кровати в сторону Ольги:

– Привет... Сколько сейчас?

– А-а, ожила, тру-уженица! Третий час уже, ну ты и дрыхнуть! Вставай, я картошки нажарила, пойдём червяка морить!

Голос Ольги звучал так искренне, что Рита начала сомневаться в справедливости своих подозрений. Может быть, всё-таки речь шла не о ней или вообще весь телефонный разговор приснился?

Но ближе к вечеру Оля действительно куда-то засобиралась. Тщательно прихорашивалась перед зеркалом и придирчиво выбирала одежду.

– Ты куда? – Рита постаралась, чтобы вопрос прозвучал как можно естественнее.

– На рабо-оту... – пропела Оля, не отвлекаясь от своего занятия.

– Сейчас? И в таком виде? Это на какую же работу ты устроилась? – нотки недоверия заставили голос предательски дрогнуть.

– На высокооплачиваемую... – Ольга, наконец, выбрала блузку и посмотрела в лицо Рите.

Увидев строгий укоряющий взгляд подруги, Оля расхохоталась:

– Да ты о чём подумала? Что я в привокзальные проститутки подалась? Это что, так на меня похоже?

– А куда ещё в таком виде ходят? – от Олиного смеха Рита сразу успокоилась и тоже повеселела.

– Я же сказала – на работу... Встреча у меня. Вернусь не поздно. А об остальном тебе знать не обязательно! Меньше знаешь – крепче спишь.

Вернулась она, действительно, не поздно – успела до того, как на ночь закрыли общежитие.

К этой теме Рита уже не возвращалась, но замечала, что на «работу» Оля ходила с завидным постоянством, и, к удивлению, ни разу, ни словом не обмолвилась о том, чем она занимается. Деньги, по-видимому, получала немалые – появились золотые колечки на пальцах, браслетики и другие дорогие побрякушки. Правда, Рита со стороны замечала, что большой радости все эти драгоценности Оле не доставляют – подруга часто ходила мрачная и начала курить.

Глава 4

Насилу дождавшись пятницы, сразу после занятий Рита поехала по записанному на бумажке адресу, чтобы получить зарплату за смену на хлебозаводе. Оля вместе с ней не пошла, она ведь даже не внесла свою фамилию в список на проходной, заявив с откровенным сарказмом: «Ага, с меня ещё и высчитают за ночёвку!». Перед входом в здание администрации завода Рита заперевжала – а вдруг и её фамилии не окажется в списке? Мало ли ошибок допускают в бухгалтериях, да и никакого трудового договора с ней никто не заключал, данные записали и всё.

Фамилия в списке имелась, зарплата была начислена. Да какая зарплата! Девчонки не пошутили, за одну смену вышло больше половины месячной стипендии! Рита с трепетом в душе взяла в руки душистые хрустящие бумажки, первые, заработанные собственным трудом, пропитанные потом в самом прямом смысле слова.

Не заходя в общежитие, с трудом сдерживая себя, чтобы не перейти с шага на бег, поспешила в ближайший обувной магазин. Продавщица с кукольным личиком кинула на неброско одетую покупательницу презрительный взгляд и проигнорировала обращённое к ней «Здравствуйте!», так что выбирать сапоги Рите расхотелось сразу. И мельком глянув на цены, которые во много раз превышали имевшуюся у неё наличность, девушка быстро покинула магазин.

Куда теперь?

Ну, конечно же, на базар! Каждый год в преддверии первого сентября они с матерью приезжали в город за покупками, но по магазинам никогда не ходили – приобретали всё необходимое на базаре, где и цены пониже и сторговаться можно.

Рынок гостеприимно встретил Риту запахом чебуреков и вечной возбуждённой суетой. В глубине рядов она увидела деревянный щит с магической надписью «Распродажа» и повернула в его сторону. Через пятнадцать минут, довольная и счастливая, уже шагала в новеньких сапожках, щедрой рукой подарив прожорливому мусорному ящику никуда не годные старые.

– Вау! – Ольга была в своём репертуаре. И хотя иностранные словечки раздражали Риту, реакция подруги грела душу. Про рынок и распродажу распространяться, разумеется, не стала.

– Это дело отметить бы надо! – в глазах у Оли забегали шаловливые чёртики.

– Ты же знаешь, я не пью! – возмутилась Рита.

– А тебя пить никто и не зовёт! Двинули на дискотеку?

Настроение было великолепным, уроки к субботе сделаны, и Рита безо всякого колебания ответила согласием на предложение Ольги.

Ближе к вечеру со всей серьёзностью занялись подготовкой к «выходу в свет».

Для начала посетили «подземелье» – шли со смехом и жуткими завываниями, потом, визжа и дурачась, вдоволь наплескались под струйками тёплой воды. Зубы постукивали от подвальной прохлады, кожа покрывалась мурашками, но молодая кровь только разыгралась от такой встряски.

Прямо с мокрой головой Ольга побежала в парикмахерскую «уложиться», а Рита принялась выбирать наряд из небогатого своего гардероба.

Не нашлось ничего лучше кремовой блузки с мелким рюшем по краю воротника и тёмно-коричневой плиссированной юбки, которую всего пару раз одевала на лекции. Подсохшие волосы, уже отросшие до середины спины, Рита распустила волнами по плечам.

Влетевшая в комнату Ольга вначале остолбенела от вида подруги, а потом молча подошла к своей тумбочке и начала вытряхивать прямо на пол вещи. Всё ещё не говоря ни слова, критично осмотрела вывалившееся кучей добро, выбрала чёрные, слегка потёртые джинсы и серебристую водолазку.

– Переодевайся, краса-авица ты моя...

Рита, конечно, и сама понимала, что вырядилась как вожатая на сбор пионерского отряда, но от такого обращения всё равно почувствовала себя пристыженной. Смущаясь наготы, втиснулась в чужие вещи. Брюки были впритирку, а тонкая водолазка не скрывала высокую девчоночью грудь...

– Да на тебе ещё лучше сидит, чем на мне! – Ольга была весьма довольна результатом.

– Погоди-ка... – на секунду задумалась и схватилась за расчёску. Безжалостно уничтожая локоны, стянула волосы в хвост, щедро брызнула на чёлку лаком и пальцами разделила прядки. Отступила на шаг назад, как Пигмалион Галатею придирчиво осматривая своё творение. Из валявшейся на кровати косметички достала карандаш и уверенными движениями подвела Ритины глаза коричневым цветом. Чуть коснулась губ помадой и удовлетворённо подняла вверх большой палец:

– Во! Класс! Все мужики сегодня твои!

– Оль, ну какие мужики! – но возмущение прозвучало совсем неубедительно. – Мы с тобой танцевать идём или куда?

– Танцуй-танцуй, балери-ина нашлась. До пенсии в монашках собралась ходить?

– Почему до пенсии? Вот доучусь, потом...

Оля не дала закончить фразу:

– Потом – будет суп с котом! Потом ты надумаешь поступать в аспирантуру, потом выйдешь замуж за толстого занудного профессора, потом родишь ему такого же толстого сынулю-очкарика, и потом всю оставшуюся жизнь вы будете таскаться из музея в музей или стряхивать пыль с книжных полок!

Рита с изумлением смотрела на Ольгу. Надо же, как её прорвало! Хотя, впрочем, доля правды в её словах есть – это была одна из возможных жизненных перспектив, причём не самая худшая. Мать была бы очень рада такой «карьере» дочери. А сама Рита? Нет, совершенно не так хотелось устроить ей свою судьбу! Но на философствование времени не было.

– Вперёд, сударыня! Нас ждут великие дела! – к Ольге вернулось бесшабашное настроение, и её потянуло на подвиги.

Она откуда-то уже знала все увеселительные заведения и уверенно повезла подругу знакомым маршрутом. Рита же в этой части города абсолютно не ориентировалась, просто послушно пересаживалась с трамвая на трамвай, полностью доверившись подруге.

Танцевальный зал был до отказа набит молодёжью. Да, Ольга была права – в своём «пионерском» наряде Рита смотрелась бы здесь, мягко говоря, неуместно. В неоновых переливах огней, несмотря на стужу за окнами, мельтешили оголённые животики, стразы на джинсах и причёски немислимых цветов могли привести в шоковое состояние даже представителей инопланетного разума, рискнувших приобщиться к культуре землян.

Внезапно ослепшая и оглохшая Рита, как за спасительную соломинку, схватилась за Олину руку, потому как была абсолютно уверена – самостоятельно выбраться отсюда она не сможет никогда!

Оля с соболезнующим видом взглянула на онемевшую Риту, молча подбодрила её кивком, так как перекричать грохочущую музыку можно было даже не пытаться, и потянула за собой в сторону барной стойки.

Без сомнения, Олю здесь хорошо знали – проходящий мимо бритый парень подмигнул ей как давней подружке, а бармен, не задавая вопросов, смешал два коктейля и поставил их на столешницу.

За время вынужденного молчания Рита успела прийти в себя и теперь предавалась размышлениям о том, что, оказывается, у подруги, кроме институтской, была ещё и другая жизнь, незнакомая, пугающая, но всё же манящая своими запретами.

– Угощайся! – Оля толкнула по гладкой поверхности бокал с розоватым коктейлем. Несмотря на то, что здесь музыка звучала не так громко, при разговоре всё же приходилось наклоняться ближе к уху.

– Спасибо, я не хочу, – сознаваться в том, что никогда не пробовала спиртного, было стыдно.

– Что значит «не хочу»? Надо! За тебя! – не дожидаясь ответа, Ольга взяла свой коктейль и вылила в себя добрых полбокала.

Рита тоже поднесла бокал к губам – пахло достаточно приятно. В конце концов, насмелилась и отхлебнула большой глоток. Дыхание перехватило, и она чуть не поперхнулась.

– Вот и всё, а ты боялась! – Оля звонко рассмеялась. – Я из тебя человека сделаю, а то чахнешь над своими книжками!

У другого конца барной стойки Рита заметила болезненного вида девушку, которая сосредоточенно гипнотизировала Ольгу.

– Знакомая?

– Кто? – не поняла Оля, и Рита одним взглядом указала ей в сторону девушки.

– Да... Я сейчас приду, не скучай... – ничего не объясняя, Ольга встала, но пошла почему-то не к девушке, а к «дамской комнате». Промедлив несколько секунд, девушка неторопливо пошла за ней.

Рита осталась одна и испытала от этого чувство неловкости. Она повернулась в пол оборота к залу, отпивала маленькими глотками обжигающую горло жидкость и, стараясь не привлекать к себе внимания, разглядывала танцующую публику.

Подчинённая бешеному ритму музыки, толпа нервно вздрагивала плечами, взмахивала сотнями рук и дружно подвывала непонятым иностранным словам.

Рите вдруг невыносимо захотелось туда – в эту бездумную массу ритмично содрогающихся тел. Алкоголь выполнил свою «благую» миссию – рассудок на какое-то мгновение помутнел, затем в голове неожиданно просветлело до звенящей пустоты, и ставшие ничтожными проблемы провалились глубоко в подсознание. Только одна неотвязная мысль поднимала на ноги и толкала вперёд – «иди, иди к ним! сейчас или никогда!». Покорная ей, Рита легко спрыгнула с высокого сиденья и без колебаний направилась в толпу...

Когда она, раздумываясь и запыхавшаяся, вернулась к барной стойке, Ольга уже восседала на своём «троне» и притворно ворчала:

– Бли-ин, я думала ты смылась с перепугу. А ты кавалеров привлекаешь, да?

– Каких ещё кавалеров? Так, размялась немного... – Рита осеклась на полуслове, так как встретила взглядом с молодым человеком, который направлялся в её сторону.

Не успела ещё выстроить в растрёпанном сознании какие-нибудь предположения, как прозвучал полувопрос-полуприказ, оброненный властным, но приятным голосом с лёгким южным акцентом:

– Тебя можно?

Резануло слух несоответствие фамильярного «тебя» и любезного «можно».

– Я не... – Рита хотела выдавить из себя «не танцую», но, встретившись с округлившимися глазами подруги и произнесла обратное, – не против...

От него пахло жасмином, хорошими сигаретами и мужским телом, упругим, обострённо чувственным и пьянящим. Рита никогда ещё так близко не ощущала этот запах и почти с жадностью вдыхала его, уткнувшись лбом в твёрдое плечо парня. Руки, такие же настойчивые, как и тон голоса, не терпели возражения, а прижимали её крепко и уверенно, точно бесспорную собственность.

Понимая, что тонет в этой обволакивающей бездне, девушка отчаянным усилием воли попыталась вернуть на место всю свою рассудительность, но горячий шёпот, ласкающий мочку уха и шею, стёр остатки сомнений:

– Давай, сбежим отсюда?

Вновь просьба-приказ, не требующая ответа.

Как послушный ребёнок Рита кивнула и, доверившись новому одурманивающему чувству, покорно пошла следом за смуглым красавцем, забыв не только об Ольге, но и о самой себе...

...Рита не успела понять, как оказалась опрокинутой на кровать. Жаркий влажный рот Камилла уже искал её губы. Прикосновение... Ещё поцелуй, ещё и ещё...

– Я в первый раз... целуюсь...

Его усмешка. Молчание. Пылающее тело... А умелые руки порхают со сноровкой вора-карманника, расстёгивая пуговицы, крюпочки, замочки...

Что сказать?! Что говорят в таких случаях?! Да? Нет? Но он не спрашивает. Разум требует – оттолкни, встань, уйди! Нет, поздно, стыдно и глупо. А тело – безвольное, послушное чужим рукам – чего-то ждёт и дрожит в этом странном ожидании... Нет! Нет! Не так хотелось, не так мечталось, не так!

Слабая попытка освободиться из-под тяжёлого сильного мужчины воспринимается им, как порыв страсти, и ещё больше воспаляет южную кровь. Страшно! Больно и страшно! Но зубы уже стиснуты в извечном женском терпении, и только одна фраза глухими ударами стучит в голове: «Будь, что будет...»...

Камил встал, лениво потянулся всем своим восхитительным телом, зелёные зрачки с карей окаёмкой блеснули, как у сытого тигра. Одеваться он и не думал. Одинаково уверенный в себе, как в одежде, так и без неё, он неторопливо достал из куртки, валявшейся на полу, сигареты и с наслаждением затянулся.

– Я... у меня... сегодня всё, всё в первый раз... – в горле пересохло, и звуки рождались с трудом.

– Да ладно ты, кому нужны эти сказки! Все вы девочки! Проехали! Пиво будешь?

Не совсем понимая, что делает, оставаясь внешне абсолютно спокойной, Рита поднялась с измятой постели и на ослабевших ногах подошла к столу. Голая, беззащитная, с растрёпанными волосами, она машинально взяла стакан с пивом и отпила противную горьковатую жидкость. Ногу защекотала тонкая алая струйка. Всё, пора идти.

– Я домой. Мне нужно домой. Поздно, общежитие закроют...

– Может обратно? Потанцуем, отдохнём? – но в голосе звучала равнодушная учтивость, которая уже не могла обмануть отрезвевшую Ритину голову.

Она лихорадочно натягивала Ольгины вещи – чужие вещи перед чужим мужчиной, и саму себя почувствовала чужой и незнакомой, в новой и ещё непонятной жизни.

Выйдя на улицу, они, не сговариваясь, направились в разные стороны – Рита на трамвайную остановку, Камилл на дискотеку, скорее всего, за очередной доверчивой жертвой.

«Даже имени не спросил! – с весёлым ожесточением думала Маргарита, гордо выстукивая каблукками новых сапожек по вечерней улице. – И хорошо, что не спросил, незачем знать ему моё имя, незачем...».

Глава 5

Приближались новогодние праздники. Город изменился до неузнаваемости – здания игриво подмигивали проезжающим машинам гирляндами радужных лампочек, и без того короткая городская ночь окончательно исчезла в свете безумствующей иллюминации.

За стеклянными витринами магазинов, словно девицы на кастинге, выстроились «лесные красавицы» новой породы, той, что никогда не видела леса. Серебристые и изумрудные, припорошенные пенопластовым снегом и распространяющие вокруг себя запах хвойного мыла, с заносчивым видом смотрели они на тех, других ёлочек, сплюснутых и испуганных, тоскливо сгрудившихся в кузовах грузовиков. К вечеру «газики» и «зилки» уезжали пустые, а за витринным стеклом шеренги не редели – русский народ к синтетике привыкал неохотно.

Таинственные искорки засверкали и в глазах людей, оживших душой в предвкушении неведомого чуда. И неважно, что с боем курантов наступит обычный завтрашний день, об этом, как всегда, никто не задумывался, ведь щемящее удовольствие доставляло даже само ожидание перемен.

Деликатесы с магазинных полок молниеносно переключивались в сумки покупателей. Народ, единогласно, как никогда, объединялся под единственно актуальным на данный момент лозунгом – «один раз живём!».

Предпраздничная суэта не обошла стороной и институт. Но здесь начало нового года сулило другое «торжественное» событие – начало зимней сессии. Рита готовилась к экзаменам и всё реже вспоминала о своём недавнем «приключении».

Слава Богу, всё обошлось без серьёзных последствий, которые нешуточно могли бы осложнить ей жизнь. Ольге рассказывать о том, что произошло после дискотеки не пришлось – она обо всём догадалась сама, но ни утешать, ни успокаивать не стала, только резонно заметила:

– Все когда-то через это проходят, тебе же не двенадцать лет, мамочка не заругает.

Да, мама не поругает, но как раз об этом Рита беспокоилась меньше всего. А лишало покоя то, что она никак не могла найти причину своего внезапного безрассудства. Что это было? Алкогольное опьянение? Да ведь выпила она совсем немного и помнила всё до мельчайших подробностей. Порыв страсти? Нет, страшно было даже подумать, что она, всегда такая серьёзная и здравомыслящая, могла поддаться какому-то неведомому инстинкту, дремавшему до сих пор...

Но жизнь брала своё, и как ни горьки были воспоминания о случившемся, приходилось каждый день идти на опостылевшие занятия, заботиться о пропитании и раз в неделю отчитываться матери об успешной учёбе в институте.

Мама засобиралась сначала в гости к дочери, но потом сама отказалась от этой мысли, сославшись на хроническое безденежье. Рита восприняла новость с не совсем приятным для себя облегчением – всё-таки маму она любила и испытывала угрызения совести за то, что так отдалась от неё после смерти отца. Но встречать Новый год в убогой общежитской комнате, слушая деревенские «свежие» новости? Нет, лучше уж пойти на городскую площадь, где будет ёлка, музыка, фейерверк и весь соответствующий празднику антураж!

Правда, провести новогоднюю ночь в гордом одиночестве Рите не пришлось, потому что в дело, как это часто бывает, вмешался Его Величество Случай.

Утром тридцать первого заканчивалась смена Нины Константиновны. Рита собралась сходить в магазин за хлебом и встретила её в опустевшем коридоре общежития уже одетую в серое драповое пальто и побряхтывающую под тяжестью двух объёмистых пакетов, заполненных продуктами.

– Тётъ Нин, да вы как же всё это до дома донесёте? – неподдельное удивление остановило девушку на полпути.

– Да вот, нахватала, как будто сорок человек в гости жду, – Нина Константиновна и говорила с трудом, словно груз покупок давил на горло.

Недолго думая, Рита подхватила из её руки один из пакетов и непривычным для себя покровительственным тоном сказала:

– Пойдёмте, я вас до остановки провожу.

По дороге они разговорились, и тётя Нина, незаметно для девушки, выпытала всё, что было у неё на душе. От природы будучи оптимистом, сама Нина Константиновна воспринимала своё одиночество как благо, но жизнь подбрасывала редкую возможность в кои-то веки почувствовать себя добрым Дедом Морозом, великодушно раздающим подарки, и идея пришла сама собой:

– Давай-ка, доченька, поехали ко мне, нечего тебе в пустом общежитии одной ночевать, сейчас всякое случается – новости слушать жутко.

«Всё что могло, уже случилось», – подумала Рита, а вслух обрадовано произнесла:

– Если я вам не помешаю, то с удовольствием поеду!

– Да кому ты помешать можешь? Девочка моя, я уже много лет на пару с телевизором все праздники отмечаю! И раздумывать нечего, вон, как раз «пятёрка» идёт.

Желание встретить Новый год в уютной тёплой квартире пересилило нерешительность, и Рита уверенно шагнула на подножку трамвая.

Уже через час обе женщины, молодая и пожилая, мило болтали на кухне, с воодушевлением готовясь к пиршеству. Посторонний человек, глядя на них, с уверенностью сказал бы, что это мать с дочерью привычно занимаются подготовкой к семейному торжеству. Рита, в благодарность за доброту тёти Нины, старалась как никогда – нарезала и украшала всевозможные салатики, лепила крохотные, идеально ровные пельмешки, до блеска натирала высокие поющие на разные голоса бокалы, чем окончательно влюбила в себя общежитскую вахтёршу.

К одиннадцати праздничный стол был накрыт, сверкающий хрусталь важно застыл в ожидании торжественной минуты, а с экрана телевизора, как из рога изобилия, посыпались поздравления. Нина Константиновна, с задумчивой улыбкой на лице, поправляла стоящие на книжной полке старые фотографии. Рита, по-домашнему подобрав под себя ноги, уютно устроилась в кресле и, наконец, отважилась задать давно мучивший её вопрос:

– Тётя Нин, как так получилось, что вы совсем одна живёте?

На секунду руки женщины остановились, потом она неспешно, словно о чём-то раздумывала, закончила свою работу, также неторопливо подошла к дивану и села невдалеке от кресла, где замерла в ожидании ответа Рита.

– Судьба, девочка моя, судьба, наверное... – взгляд её устремился к фотографиям, к которым только что бережно прикоснулись пальцы, и, обращаясь то ли к Рите, то ли к чёрно-белым снимкам, Нина Константиновна поведала свою нерадостную историю.

– Квартиру эту мои родители получили уже лет сорок тому назад, я ещё школьницей была. Они оба строители, отец на кране, а мать маляром работала, семья небольшая, я – единственный ребёнок, вот и дали двухкомнатную в новостройке. Жили мы неплохо, не помню, чтобы ссорились... В школе с учёбой у меня тоже проблем не было, в общем, хлопот родителям я не доставляла.

В соседнюю квартиру долго почему-то никого не заселяли, а потом Максимовы туда въехали – интеллигенция до мозга костей, профессора в каком-то там поколении. Я с их дочкой Люськой, ну, вернее, с Людмилой, быстро подружилась, потому, как в один класс попали учиться. В школу вместе идём, со школы вместе, уроки вдвоём веселее делать, родители и её и мои целый день на работе, так мы и поедем то у них, то у нас – сами себе хозяйки.

Окончили школу, поступили в институт, как и положено подругам, на один и тот же факультет, на математический. Она – потому что родители потомственные математики, а я – за компанию. Родителям моим хотелось, чтобы единственная дочь высшее образование имела,

а какое – не важно. (Рита с удивлением взглянула на тётю Нину – совсем не вписывалась та в образ математика)

Вот в институте-то и познакомились мы с Димкой Новиковым. Красивый был, остроумный, без шуток часу не мог прожить, короче, звезда всего факультета. Добрая половина девчонок по нему сохла. Уж, за что он нас с Люськой выбрал, не знаю. Только стали мы дружить втроём почти с самого начала учёбы.

Как дружили? – Нина Константиновна задумалась, как будто свой же вопрос поставил её в тупик. – Да как все в те годы – в кино бегали, в библиотеке вместе сидели, в подъезде, вон, на подоконнике допоздна хохотали. Влюбилась я в него по уши. Почему-то казалось мне, что именно на меня он больше внимания обращает, какое-то душевное родство с ним ощущала, а может, просто сама это себе в голову вбила... Признаться в любви ему, конечно же, не могла. Что ты, гордость! Ждала, пока сам догадается! Вот и догадался... Не знаю, когда они с Люськой вдвоём встречаться ещё успевали, но однажды прибегает она ко мне радостная такая, светится вся, и прямо с порога новость свою вылепила – выхожу, мол, за Димку замуж, потому как беременная... – Нина Константиновна замолчала, вздохнула, словно заново переживала события, давно ушедшие в прошлое, потом медленно обвела невидящим взглядом нарядный аппетитный стол и с горечью в голосе продолжила, – Словно оборвалось что-то тогда во мне... Поняла, что не просто влюбилась я в Димку, а по-настоящему, серьёзно полюбила, и нет для меня никого дороже в этом мире... Родители тогда как раз целыми неделями дома не появлялись (какая-то стройка большая в пригороде началась), вот я в одиночестве наревелась и приняла сама для себя решение – о любви своей ему не скажу – поздно, только унижаться, если с Люськой поссорюсь – значит и его больше не видеть, а это тоже мне было не по силам. Пусть, думаю, остаётся все, как есть, любила безответно – и дальше любить буду...

А тут – горе, я и про любовь-то думать забыла! На стройке в бытовке баллон газовый взорвался, отца сразу... а мама ещё две недели в больнице умирала. Я – девчонка совсем, восемнадцать лет, родственников никого нет... И похороны устраивать, и за мамой в больнице ходить, как выдержала тогда, сама не понимаю!

Пока в себя от этого ужаса пришла, Люська с Димой уже расписались, и он к ним жить перешёл (его родители то ли на Камчатке, то ли в Норильске жили). Мне, конечно, институт пришлось бросить, нужно было на хлеб зарабатывать. Устроилась я в общежитие вахтёром, вот всю жизнь и сижу на посту.

У Новиковых вскоре девочка родилась – Танюшкой назвали – так Люська даже в декретном сидеть не стала. Родители-профессора няню наняли, а она дальше в институте училась. Димка повозмутился маленько, что, мол, не годится ребёнку с чужим человеком расти, но разве против большинства пойдёшь? Я так и общалась с ними, иногда даже с Танечкой оставалась в выходной. Чувство моё куда-то глубоко запряталось... А уйти совсем? Да оно и сейчас никуда не ушло...

Димка быстро в гору пошёл – ещё тридцати не было, а он уже кандидатскую защитил. Людмила в другом институте на кафедре пристроилась. И жили они вроде неплохо. Сломалось всё после того, как Сережа родился. Танюшка тогда в школу ходила, разница большая у них в возрасте. Дима так обрадовался рождению сына, думал, что и Люська теперь семье больше времени отдавать будет, а она снова няню наняла... Ссориться не ссорились, но стал он всё больше на работе задерживаться. А потом внезапно уехал в Америку на работу (хорошие-то специалисты везде нужны!), и аспирантку свою с собой прихватил, видимо давно уже любовь крутили. Через пару лет капитально там устроился и Танюшку к себе забрал.

По Люське я и не заметила, чтоб переживала она сильно – не было там никогда большой любви. Живут теперь с Серёжкой на пару, отец деньгами помогает, а уезжать из России сын отказался. Слышишь музыка? – тётя Нина кивнула головой в сторону стены, завешенной цветастым ковром. – Это у них, в соседней квартире. Наверное, к Сергею друзья пришли.

– Так вы замуж и не вышли? – за всю длинную речь хозяйки Рита в первый раз рискнула прервать её и сразу смутилась от своей бестактности.

– Да, вздумала один раз... Почти до свадьбы дело дошло, но как только с Димкой сравнила, кандидат этот в женихи мне такими мелким показался, что я быстренько его отшила. Так и стала одна жить. А после уж привыкла, не хотелось чужого человека в свою устроенную жизнь впускать... – тётя Нина снова притихла на минутку и вдруг заставила Риту вздрогнуть от неожиданности, вскрикнув совсем другим голосом, – ох, господи! Без пятнадцати двенадцать, а я тебя всё сказками угощаю!

И действительно, последний час уходящего года пролетел незаметно. За стеной беззаботно заливался голос незнакомого певца, в квартире сверху раньше времени начали танцевать – на беспощадный топот потолок отзывался жалобным скрипом.

– Давай-давай, моя хорошая, за стол, надо старый год проводить, как положено, скоро президент поздравлять будет.

Тётя Нина разлила по крохотным рюмочкам багровое вино и наспех произнесла небольшую речь, не забыв поблагодарить прошедший год за то, что хотя бы не принёс крупных неприятностей.

Изумительную красоту салатов не хотелось нарушать, но «генерал в юбке» скомандовал, и Рита быстренько наполнила свою тарелку.

Было что-то нереальное в том, что перед ней праздничные блюда, никогда не появлявшиеся на столе в доме родителей, что в квартире тепло и уютно, не пыхает вонючим дымом печка, не ломятся в дверь друзья отца, залившие глаза спиртом...

На экране появился президент, и хозяйка аккуратно, со знанием дела, откупорила бутылку шампанского.

– Ну, загадывай желание!

Куранты радостно заливались, оповещая страну о наступлении Нового года, и Рита уже так отчаянно верила в чудо, что загадала не новые сапоги, и не новую шубу...

Внезапно в комнате стало ещё светлее – ночное небо за окном вскипело тысячами фейерверков, с шипением и треском из всех дворов выстреливали разноцветные огни.

– Пошли туда?! – в глазах тёти Нины промелькнули озорные детские искорки.

Накинув на себя первую попавшуюся на вешалке одежду, Рита и Нина Константиновна выскочили на застеклённый балкон, с небольшим усилием сдвинули в сторону примёрзшую пластиковую раму и одновременно высунули головы наружу.

Двор пятиэтажки был полон народом. Ребятишки восторженным визгом провожали в небо каждую новую ракету, молодёжь чокалась бокалами и целовалась. Кто-то, несмотря на мороз, выставил на балкон колонку, и музыка грохотала на весь квартал.

Рита постояла бы на балконе ещё, но вовремя заметила, как поёживается от ветра тётя Нина – к утру обещали метель – и поспешила предложить первая:

– Пойдёмте за стол, а? Горячее скоро остынет, не зря же столько старались!

Долго просидеть за столом им не удалось – в дверь позвонили. Нина Константиновна открыла, не потрудившись посмотреть в глазок. Скандируя «С Новым годом!» и «Поздравляем!», в квартиру вбежал странный Дед Мороз с красным поролоновым носом и почему-то без бороды, от него не отставала не менее чудная Снегурочка с чёрной, геометрически правильной чёлкой и в белой тюлевой юбочке поверх джинсов. В дверях, стесняясь поступить так же, как «дед» с «внучкой», толпились парни и девушки, за которыми недавно с затаённой завистью наблюдала с балкона Рита.

Хозяйка, которой по долгу службы всю жизнь приходилось управляться с таким «контингентом», совершенно не растерялась и сразу подбодрила пришедших гостей:

– Заходите-заходите, ребятики! Угощайтесь! Риточка, принеси-ка с кухни вилки!

Только этого и ожидающие «ребятки», которым и на первый, и на второй взгляд было не меньше, чем по 20 лет, не стали заморачиваться по поводу отсутствия стульев и молниеносно окружили стол. Наперебой выкрикивая тосты и поздравления, не забывая петь дифирамбы гостеприимной хозяйке, они дружно опустошили добрую половину тарелок. Рита с удивлением наблюдала, как уничтожаются приготовленные разносолы, но ещё больше её удивило то, что Дед Мороз отошёл с Ниной Константиновной в сторону и что-то, горячо доказывая, шептал ей на ухо. Невооружённым взглядом было видно, что они хорошо друг друга знают.

Снегурочка скомандовала: «Спасибо этому дому!», и непрошенные гости так же внезапно, как и явились, собрались уходить.

– Риточка, может, ты тоже с ребятами пойдёшь? – вопрос тёти Нины заставил Риту застыть на месте.

– Я?.. Почему?.. – от неожиданности ответ прозвучал испуганно.

Нина Константиновна рассмеялась.

– Ох, дура я старая! Ничего не объяснила и из дома тебя выгоняю! Это же Серёжа, – она кивнула головой в сторону Деда Мороза, – сын моей подруги, он в соседней квартире живёт. Тебе с молодёжью повеселее будет, а я бы уже и отдохнуть прилегла.

Нина Константиновна нисколько не лукавила – ей действительно хотелось остаться в привычном одиночестве, посидеть перед телевизором, закутав ноги в старенький плед, и насладиться ароматным кофе вприкуску с шоколадкой.

Черноволосая Снегурочка, не долго думая, подхватила Риту под руку:

– Пойдём-пойдём! Новый год с народом встречать надо!

Когда толпа уже вывалила на лестничную площадку, тётя Нина окликнула Риту, протягивая ей ключ на синем шнурке:

– На, возьми! Придётся – меня не буди, в зале тебе постелю.

Соседская квартира представляла собой абсолютную копию квартиры тети Нины по планировке и полную её противоположность по содержанию.

Если бы Рита заочно не была знакома с хозяевами и с тем, какого рода деятельностью они занимаются, то по обстановке ни за что бы об этом не догадалась. За стеклянными дверками антикварных сервантов, как наглядный показатель благосостояния людей советского поколения, горделиво сверкал хрусталь. На полках, этажерках и просто на полу нашли себе место статуэтки разных размеров, расцветок и форм – стыдливая Афродита из слоновой кости и толстенный лакированный Будда мирно соседствовали с фарфоровыми конями и зайчиками. На стене, в окружении каких-то диких картин, написанных, очевидно, нетрезвым абстракционистом, нашёл себе приют телевизор с плоским экраном – новинка современной техники.

В углу скромно прижалась к стене метровая ёлочка. Игрушки на ней отсутствовали, зато все ветви были опутаны гирляндами, вспыхивающими сотнями радужных лампочек. Она одна, да, пожалуй, ещё чёрный журнальный столик, который с трудом вместил на себя пару бутылок вина, рюмки и тарелки с бутербродами, напоминала о празднике. Всё остальное свободное пространство на полках, подоконниках и даже антресоль над дверью занимали книги. Толстые и тонкие, с потрёпанными от постоянного пользования переплётками, они пробрались и на кухню, куда затащила «нестандартная» Снегурочка Риту.

– Тебя Рита зовут, да? А меня Мара. А ты тёть Нине кто? – грассирующий «эр» придавал своеобразие её речи, делая весь облик ещё более оригинальным.

– Имя необычное – Мара, никогда не слышала такого, – Рита с самого начала почувствовала симпатию к этой девчонке, и общаться было легко.

– Да ты что! Это просто сокращённое от Марина! Меня все так зовут, и сама привыкла. Вино будешь? – Мара-Марина уже усадила Риту на мягкий пуф, стоящий у кухонного стола и ловко пододвигала к ней поближе тарелки с закусками.

– Да нет, не хочется, а вот чаю или кофе с удовольствием выпью.

На кухне они были одни, остальные прошли сразу в зал и, судя по музыке и топоту, устроили дискотеку.

Мара уверенно открыла один из висящих на стене шкафчиков, достала турку и поставила её на газ. В этот момент на кухню заглянул Сергей, сменивший костюм Деда Мороза на джинсы и синий свитер. Голубые глаза его смотрели пылливо и внимательно, словно оценивая ситуацию, но губы, ещё не утратившие детскую пухлость, готовы были растянуться в улыбке.

– Как вы тут? Общаетесь? Давайте не засиживайтесь! – он одарил обеих девушек обволаживающим взглядом, на секунду замер, встретившись глазами с Ритой, и исчез в темноте коридора.

– Иди, иди уже! Сами знаем, когда приходиться! Раскомандовался! – беззлобно прикрикнула Мара ему вслед.

Голос Сергея показался Рите знакомым, но где, где она могла его слышать?..

– Кофе готов! – торжественно доложила Мара и разлила дымящийся ароматный напиток в две высокие зелёные чашки.

– Ты с ним... дружишь? – более подходящего по смыслу слова Рита не нашла.

– С кем? С Серёжкой? Ну да, мы все тут дружим, все праздники вместе собираемся. А если ты в другом смысле, то нет. Только остальные уже в институте познакомились, а мы, кажется, в детском садике. Сколько себя помню, столько и его знаю. Я в соседнем подъезде живу, в одном классе учились, институт вот вместе заканчиваем, – Мара не заморачивалась по поводу подтекста вопроса, а отвечала искренне и просто, мило перекачивая во рту своё «эр». Лёгкий хмель сделал её болтливой, к тому же Рита слушала с таким вниманием, что хотелось говорить ещё и ещё.

– У меня парень в армии, Сашуля мой, солдатка я, – с притворным страданием в глазах подпёрла голову рукой и тут же, не выдержав, рассмеялась, – пытаюсь ждать, чуть-чуть осталось. А у Серёжки была девчонка, – щёки у Риты мгновенно вспыхнули, потому что Мара случайно затронула интересующую её тему, – они долго, где-то года два, встречались, мы думали – на свадьбе скоро погуляем, потом её родители в Германию резко так собрались, она даже институт не закончила. Серёжка хвалился, что диплом получит и к ней уезжает, ему-то без проблем – папаня из Америки денежек подкинет. Только, как в кино – полгода не прошло, и уже – «не пиши, не звони, выхожу замуж»! Сначала сильно переживал, а сейчас вроде бы ничего, а, может, вида не подаёт.

Рита слушала Мару и невольно сравнивала её с Ольгой – сравнение было явно не в Ольгину пользу. Ни за что на свете не согласилась бы она сейчас поменять эту компанию на ту, где встречала новый год Смирнова!

Кофе, заменивший «чарку знакомства», был допит, и девушки направились в зал, откуда доносился заразительный смех и музыка.

Дискотека плавно перешла на стадию игр. Парни и девушки, усевшись кругом прямо на ковёр с невообразимо высоким ворсом, играли в «бутылочку». Хотя точнее было бы сказать в «статуэточку», потому как рука ведущего раскручивала ни что иное, как обнажённую Афродиту. Да и правила игры в этой компании были свои – вместо поцелуев те, на кого указывала голова Афродиты, выдавали анекдоты, пародии на преподавателей и другие «невинные» шутки. Хохотали от души вне зависимости от таланта выступающего, по той одной причине, что у всех было хорошее настроение.

Рита с Марой присоединились к играющим, и немного времени спустя Рита почти забыла о том, что она здесь «новенькая», потому что так же, как все, заливалась смехом и рассказывала анекдоты, если статуэтка обращала свою макушку в её сторону.

Сергей больше не смотрел так пристально в её глаза, но для того, чтобы сердце девушки то и дело замирало в груди, ему достаточно было называть её по имени. От нового ощущения всё происходящее вокруг казалось Рите восхитительным и необыкновенным. Она еще раз

поймала себя на мысли, что пытается вспомнить, где слышала его голос, но потом оставила это бесполезное занятие.

Из разговоров Рита поняла, что все собравшиеся заканчивают пединститут, только разные факультеты. Странно, обычно студенты держались «своих». Когда молодые мужчины удалились на лестничную площадку «дым пустить», а слабый пол устроил на кухне импровизированный девичник, Рита поинтересовалась у рыжеволосой толстушки:

– Вы что, не вместе учитесь?

– Нет. Мы вон с Танюшкой и Игорем на филфаке, Мара с Серёгой на физмате, остальные с биохима. Как в стройотряде летом перед первым курсом скучковались, так и не разбежались до сих пор.

Вернулись с перекура парни, и девчонки одна за другой тоже потянулись в зал. Дело шло к утру, шумное веселье само собой стало затихать. По телевизору показывали какую-то новогоднюю сказку для взрослых, но смотрел её один Лёха, невысокий плотный парень, сытым котом развалившийся в круглом кресле и отрешённо глядевший на плоскую панель телевизора.

Кто-то засобирался домой, и это прозвучало сигналом к завершению праздника. От сутолоки в коридоре вернулись оживление и смех – одни выскивали в общей куче свою обувь, другие вызывали по телефону такси, рыжая толстушка Лиля, под общий беззлобный смех, подпрыгивала у вешалки в безнадёжной попытке достать с верхней полки свою шапку.

Рита вдруг сообразила, что, если тотчас же не уйдёт, рискует остаться в квартире наедине с хозяином, а после такого обилия новых впечатлений к этому она была совершенно не готова. И, хотя прекрасно понимала, что, уходя вот так, при всех, не сможет даже обменяться номерами телефонов с Сергеем, всё же протиснулась к выходу, чмокнув по пути в щёчку Мару и шепнув ей: «Пока!».

Сергей в общей суете не заметил бегства новой знакомой и, только когда проводил последнего гостя, понял, что та ушла «по-английски».

Рита же неслышно прикрыла за собой дверь, на цыпочках, чтобы не беспокоить тётю Нину, прокралась в ванную комнату, ополоснула лицо тёплой водой и подняла глаза к зеркалу...

Боже! Как же сразу... Ну конечно! Голос... Это его голос! Его голос шептал из телефонной трубки... тогда...

Потрясённая открытием Рита в изнеможении присела на край ванны.

Глава 6

Утро наступившего года выдалось хмурым и ветреным. Страна спала после разгульной ночи, и метель полноправной хозяйкой бесчинствовала на пустынных улицах.

Рита слышала, как с отчаянной злостью бросаются острые снежинки в стекло, но открывать глаза и выбираться из-под тёплого одеяла не хотелось. Где-то поблизости от дивана, отбивая такты вечной мелодии времени, негромко тикали часы, от подушки исходил лёгкий аромат луговых цветов, и дремота цепкой паутиной снова стала окутывать сознание.

Обрывками кинофильма перед мысленным взором всплывали воспоминания о прошедшей ночи, всплывали и переплетались со сновидениями, ещё не успевшими растаять до конца. Вот Афродита, стыдливо прикрывающая наготу, волчком крутится на мягком ковре, улыбается Рите и заговорщицки шепчет: «Поцелуй его, поцелуй!», в дверях кухни появляется Сергей и долго-долго, бесконечно долго смотрит в глаза, этот взгляд зовёт, приказывает, ласкает... Снегурочка с чёрной чёлкой, извиваясь, танцует в полумраке комнаты и чревоушает, не размыкая губ: «Ты помнишь? Помнишь? Он тебя называл чайной розой! А ты? Сбежала, как дура!»

От этого неромантического «дура» Рита окончательно проснулась.

Все мысли о нём. Сны о нём. Влюбилась? С первого взгляда? Нет, не с первого взгляда – с первого слова! Ещё тогда, осенью... Не сознавалась сама себе, но думала, думала о том, что где-то ходит мужчина, сказавший то, что не говорил никто и никогда.

Со стороны кухни послышались осторожные шаги. Нина Константиновна, стараясь не шуметь, собирала на стол завтрак. Валяться дальше в постели было бы просто неприлично. Рита с удовольствием потянулась, села на край дивана и быстро натянула на себя аккуратно сложенную на деревянном подлокотнике одежду.

– С добрым утром, тётя Нин!

– Проснулась, гулёна? Ну, как? Не обиделась, что я тебя к соседям спровадила?

– Да вы что! Нет, конечно! Я так классно время провела, с Марой познакомилась...

– С Маринкой? Никитиной? Я её родителей тоже знаю. Ничего, хорошая девочка. Сейчас вон взрослая, красавица стала, а раньше-то вечно как пацанка во дворе бегала. А как тебе Серёжа?

Нина Константиновна спросила спокойно, не придавая никакой важности вопросу, но сердце у Риты со своего постоянного места подпрыгнуло к горлу – всё, что касалось Сергея, казалось значимым, особенным и она, совершив над собой неимоверное усилие, постаралась ответить как можно равнодушнее:

– А мы почти не общались... так, парой слов перекинулись...

– Странно... Он меня так уговаривал отпустить тебя в гости... А что ж ты не ешь ничего?

Торт вчера даже не попробовала!

В этот момент в дверь постучали.

Неторопливо поднявшись со стула, Нина Константиновна направилась к входной двери, на ходу продолжая разговаривать с Ритой:

– Это свои. Чужие звонят обычно. Может, Люся уже приехала.

Слышно было, как щёлкал в повороте дверной замок, и тётя Нина с кем-то негромко переговаривалась. Второй голос явно был мужским. Рита внутренне вся напряглась, и шестое чувство её не обмануло – на кухню тётя Нина вернулась уже с Сергеем.

Он недавно вышел из душа и светлые, слегка волнистые волосы были влажными. Летом на солнце волосы выгорели почти добела и сейчас, в середине зимы, некоторые пряди ещё выглядели обесцвеченными. Голубой, под цвет глаз, джемпер выгодно подчёркивал рельефность мускулатуры – с фигурой и со вкусом у молодого человека было всё в порядке.

– Год хороший у нас с тобой, Ритуля, будет, – появлением соседа Нина Константиновна не была удивлена. – Примета такая есть – если в новом году первым мужчину встретишь, точно знай – повезёт. А он, видишь, сам явился, не запылится!

Лукавые искорки сверкнули в глазах Сергея. Он по-хозяйски придвинул ещё один стул к столу, удобно сел и только тогда заговорил своим бархатным голосом:

– Я, собственно, за помощью пришёл, но и от тортика не откажусь!

– Ой, какие мы с утра деловые! – притворно заворчала тётя Нина и уже другим тоном продолжила, – мать-то не приехала? Как по такой погоде из деревни добираться? Хоть бы догадалась там буран переждать, чего в этот город торопиться – на работу не скоро ещё!

– Не звонила пока. Сообразит, надеюсь, непогоду пересидеть. Не одна же она там... Лишь бы продуктов хватило.

Раньше, пока отец семейства не уехал в Америку, каждый Новый год Новиковы встречали на даче, в маленькой деревушке, расположенной в сорока километрах от города. Многочисленные друзья и коллеги по институту с удовольствием составляли им компанию – пожарить шашлыки на природе считалось большим шиком. Когда семья распалась на части, Серёжа только пошёл в школу, а Татьяна уже поступила в институт, и уезжать в Новый год на дачу показалось им делом хлопотным и ненужным. Семейная традиция стала понемногу уходить в прошлое, и вдруг в этом году Людмила заявила сыну, что хочет «тряхнуть стариной» вместе с сослуживцами. Сергей подозревал, что у матери появился ухажёр, но она молчала, и он с расспросами не лез.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.